

Алексѣй Веселовскій

ЭТЮДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

Джордано Бруно, Легенда о Донъ-Жуанѣ, Мольеръ, Вольтеръ, Дидро, Бомарше, Свифтъ, Гюго, Фонвизинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ и др.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.
Пименовская улица, собственный домъ.

1894.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Джордано Бруно	1
Послѣдній рыцарь	13
Легенда о Донъ-Жуанѣ	47
Мольеръ	85
✕Альцестъ и Чапкій	144
Дени Дидро	170
У Вольтера	272
Бомарше	283
Джонатанъ Свифтъ	368
Поэтъ гуманности (на смерть Гюго)	432
Наканунѣ новаго столѣтія	442
Титаны и пигмеи (альпійская фантазія)	470
✕Памяти Фонвизина	485
✕Грибоѣдовъ	495
✕Гри путешествія	533
По поводу юбилея одной статьи	543
✕На могилѣ Гоголя	550
✕Мертвыя души	557
Изъ воспоминаній о старомъ другѣ	610
Деревенскія размышленія	640

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ работъ своихъ за много лѣтъ авторъ сдѣлалъ выборъ и позволяетъ себѣ предложить сводъ нѣсколькихъ статей читателямъ. Это журнальные этюды, публичные лекціи, біографическія вступленія къ изданіямъ писателей, отрывки изъ воспоминаній, наконецъ небольшіе очерки и наброски, написанные подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты и явившіеся на столбцахъ ежедневной прессы. Все это кореннымъ образомъ переработано, бібліографически пополнено до послѣднихъ мѣсяцевъ 1893 года, частью написано вновь. Развитіе литературныхъ типовъ, судьбы вопросовъ, волновавшихъ человѣчество, жизнь сильныхъ духомъ людей и великихъ художниковъ съ 16-го вѣка до нашихъ дней, итоги и надежды,—вотъ содержаніе этого цикла статей. Оно взято и изъ русской, и изъ иностранной словесности; желаніе хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать сліянію живыхъ особенностей національнаго творчества съ общечеловѣческимъ развитіемъ руководило авторомъ. Его героями являются чаще всего избран-

ныя натуры, вожди людской массы, но не «культъ героевъ», а другое завѣтное желаніе—раскрыть связь между этой массой и ея избранниками, сочетать личное съ общимъ, привлекало его къ разработкѣ подобныхъ темъ. На рубежѣ двухъ вѣковъ такія задачи ставятся самою жизнью, налагая на всякаго работника въ области мысли обязанность служить имъ вѣрой и правдой.

ДЖОРДАНО БРУНО *).

„Дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой...“ Но не романтическое сказаніе, не граціозную легенду хотимъ мы вызвать сегодня въ вашей памяти изъ дальняго прошлаго,—мы передадимъ печальную судьбу сильнаго мыслителя, не признаннаго современниками, погибшаго за независимость своихъ убѣжденій. Неудачникъ при жизни, онъ и передъ судомъ потомства долго не находилъ справедливости; другія имена затмили его; толпа и теперь знаетъ о Савонаролѣ, хотя по широтѣ взглядовъ и научному значенію Бруно далеко его превосходитъ; знаетъ она о Галилеѣ и его процессѣ, помнитъ его знаменитыя слова, — но имя Бруно для громаднаго большинства стало безсодержательнымъ звукомъ. Новѣйшая и преимущественно нѣмецкая **) наука съ конца прошлаго столѣтія усиленно старается исправить эту застарѣлую несправедливость. Чествуя сегодня память великаго несчастливца, и мы попытаемся собрать характеристическія черты его своеобразной личности и ученія.

И такъ *кто* же былъ Бруно?

Это было крохотное существо, вѣчно взволнованное и безпокойное, съ необыкновенно подвижными чертами лица,

*) Рѣчь, произнесенная въ соединенномъ засѣданіи Общ. Люб. Рос. Словесности и Психологич. Общества въ честь Д. Бруно 10 февр. 1885 г.

**) Brunnhofer. Giordano Bruno's Weltanschauung und Verhängniss. Leipz. 1882.—Domenico Berti. Giordano Bruno da Nola, sua vita e sua dottrina (новое изд. съ значит. добав. 1889 г.).

темно-каштановыми волосами и окладистою бородой, облеченное то въ рясу доминиканца, то въ нарядъ свѣтскаго *кавалера*, съ шпагой и плащомъ. Въ глазахъ его горитъ неугасимый огонь; Бруно то предается унынію, и тогда, по его словамъ, какъ будто созерцаетъ адскія муки, то грусть смѣняется у него неустойчивымъ смѣхомъ. Но смѣхъ этотъ не радуетъ: въ эпиграфъ къ своей единственной комедіи Бруно приписываетъ себѣ способность быть веселымъ среди печали, печальнымъ среди веселья (*in tristitia hilaris, in hilaritate tristis*). Казалось бы, чего ему унывать и тревожиться? Онъ родился (1548) въ благословенномъ краю, у подножія Везувія, у самыхъ воротъ Неаполя, въ старой Нолѣ, одномъ изъ древнихъ поселковъ Великой Греціи; чудные ландшафты разстилались передъ нимъ, море и горы ласкали взоръ своими красотою, дружное, работающее и всегда веселое населеніе городка отнюдь не наводило на печальныя мысли, а окрестные холмы давали въ изобиліи превосходное вино. Никогда не забудетъ Бруно своей милой Нолы, своего земного рая, всѣ красоты Европы будетъ сопоставлять съ нею, не разстанется съ прозвищемъ „Ноланца“ (*Bruno Nolano*), и не разъ вспомнить о своихъ прежнихъ сосѣдяхъ, ихъ дѣтяхъ и семьяхъ! Но онъ не въ силахъ оставаться навѣки въ такомъ затишьѣ: точно непреодолимая власть влечетъ его въ даль. Бывало, говоритъ онъ, въ дѣтскіе годы ему казалось, что за Везувіемъ все кончается, что тамъ край свѣта,—потомъ ему пришлось лично извѣдать, какія безграничныя области разстилаются за предѣлами ближайшаго горизонта. Не онъ первый покидалъ родину, чтобъ искать свѣта науки; сложное вліяніе греко-латинской культуры прививало ноланцамъ живые научные интересы; ему рассказывали въ дѣтствѣ о нѣсколькихъ выходцахъ изъ Нолы, заплатившихъ страданіями и казнями за свои стремленія. Это не устрасило его, и, усвоивъ все, что могла дать ему школа въ Неаполѣ, онъ дополнилъ свое образованіе постояннымъ чтеніемъ, пытаясь овладѣть и явными, и тайными знаніями. Какъ у Фауста, порывы его необъятны; онъ часто благодаритъ Бога за то,

что Онъ надѣлилъ его этимъ свойствомъ; какъ счастливъ былъ бы онъ, еслибы, принимая различные образы, могъ возноситься въ небесныя сферы и проникать въ глубь земли!

Съ такими широкими замыслами было бы тяжкою ошибкой сознательно обречь себя на застой, слѣпое послушаніе и неподвижность. Но Бруно сдѣлалъ такую ошибку: отрокомъ, чуть не ребенкомъ, всего 15-ти лѣтъ, онъ вступаетъ въ монастырь, и всю первую молодость (тринадцать долгихъ лѣтъ) проводить въ такой обстановкѣ. Рано или поздно его самостоятельность должна была пойти въ разрѣзъ съ узкимъ формализмомъ монашескаго быта. За чтеніе вольнодумныхъ книгъ уже на него косятся, за разговорами его слѣдятъ, едва не отдають его подъ судъ за ироническіе отзывы о мистицизмѣ; когда же, бесѣдуя съ однимъ изъ товарищей-монаховъ, онъ неосторожно отозвался сочувственно объ аріанствѣ и дѣло огласилось, назначено было строгое слѣдствіе. Поспѣшно скрывается онъ въ Римъ, но и тамъ скоро нападаютъ на его слѣдъ; онъ принужденъ скитаться по сѣверной Италіи, на время останавливаясь въ Туринѣ, Венеціи, Падуѣ. Рано же взялъ онъ посохъ изгнанника! Но уже въ эту пору его томятъ сомнѣнія, жажда истины, презрѣніе къ суевѣрію, и онъ набросалъ первую свою книгу, *L'arca di Noe*, изобразивъ въ ней человеческое общество подъ видомъ разныхъ животныхъ въ ковчегѣ, проводимыхъ осломъ; то были его первыя наблюденія надъ „блаженною глупостью“, *Santa Asinita*... Нигдѣ онъ не встрѣчаетъ ласковаго привѣта, нигдѣ не находитъ возможности основаться. Только въ генуэзскомъ городкѣ Ноли (*Noli*) ему дали право свободнаго преподаванія, и онъ уже безконечно счастливъ; нѣсколько мѣсяцевъ подъ рядъ собираетъ толпы разнообразныхъ слушателей, краснорѣчиво и убѣдительно излагаетъ добытыя имъ научныя истины. Официально называлъ онъ читаемый имъ предметъ „Сферой“, т.-е. астрономіей, но подъ ея покровомъ охватывалъ широкій кругъ знаній. Онъ одинъ изъ ревностныхъ поклонниковъ теоріи Коперника, котораго называетъ вторымъ Колумбомъ, смѣло пробившимъ себѣ путь къ небу сквозь преграды старой планетной сис-

темы, вездѣ проповѣдуетъ и защищаетъ ее, торжествуя крушеніе схоластическихъ представленій о міровомъ устройствѣ, освященныхъ авторитетомъ Аристотеля и Птолемея. Одного этого заступничества за опасную теорію, отнимавшую у земли ея первостепенное, центральное значеніе, и разстроившую гармонію цѣлой сѣти набожныхъ легендъ, достаточно было бы, чтобъ обличить въ Бруно еретика. Не за то же ли пострадалъ вскорѣ Галилей? Но молодой философъ не ограничился сочувственнымъ изложеніемъ чужого открытія; оно послужило для него основой для дальнѣйшихъ построеній. Фантазія его заработала. „Довѣрившись надежнымъ крыльямъ, онъ бросился въ безконечныя пространства, разсѣкая воздухъ и проникая въ другіе міры“; онъ горячо доказывалъ существованіе множества этихъ обитаемыхъ міровъ; ему грезилась жизнь и проблески сознанія вездѣ; душевныя движенія отгадывалъ онъ на самыхъ низшихъ ступеняхъ царства природы; эти представленія сливались въ грандіозный пантеистическій догматъ о „міровой душѣ“, о сліяніи и тождествѣ божества и природы, и передъ этой свободной общечеловѣческой религіей блѣднѣли и казались ничтожными всѣ положительныя, церковныя религіи. Его философія принимала часто поэтическій характеръ,—иначе и быть не могло: онъ убѣжденъ былъ, что истинный философъ не можетъ не быть поэтомъ.

Но на-ряду съ этими ученіями его по-временамъ привлекала и таинственная мудрость, приподнимавшая завѣсу надъ многими загадками бытія. Всегда осмѣивавшій алхімію, онъ не могъ противостоять искушенію, которому подпадали многіе сильные умы его времени, втайнѣ не перестававшіе интересоваться магіей. Только вспомнивъ это, мы поймемъ, какъ онъ могъ серьезно увлекаться устарѣлыми твореніями Раймунда Люлля, который не только научалъ искусству развивать память, но механически, переводя основныя идеи въ алгебраическія знаки и нанося ихъ на вращающіеся круги, брался научить, какъ вырабатывать новыя идеи и догадки,—пространно толковалъ о символикѣ человѣческихъ именъ и соотвѣтствующихъ имъ цифръ и т. д., основываясь главнымъ

образомъ на еврейской и арабской мудрости. Быть-можетъ, Бруно привлекла своей неутомимой и безбоязненной энергiей сама личность Люллиа, до глубокой старости не перестававшаго проповѣдывать и умершаго мученикомъ. Быть-можетъ, его поразили въ творенiяхъ предшественника про- блески пантеизма. Мы имѣемъ любопытное доказательство живого интереса Бруно къ люллиевой наукѣ: Московскій Ру- мянцевскій музей хранитъ въ числѣ своихъ рѣдкостей руко- писную книгу неизданныхъ еще трактатовъ нашего ученаго (случайно пріобрѣтенную Норовымъ), съ нѣсколькими листка- ми собственноручной черновой работы Бруно; глядя въ осо- бенности на эти листки, чувствуешь какъ бы присутствіе его, видишь его въ минуту размышленiя, заносящимъ на бумагу бѣглыми фразами свои мысли, которыя иногда усту- паютъ мѣсто написанному на поляхъ возгласу или неболь- шому итальянскому стихотворенiю. И чтоже?—Главное со- держаніе тетради составляютъ разсужденiя о магіи, о ду- хахъ-покровителяхъ, о „люллиевой медицинѣ“.

Но не на этомъ зиждется великое значеніе Бруно, какъ мыслителя. Это—невольная дань увлеченiямъ его времени, и съ годами, овладѣвая истинною наукой (особенно въ Анг- ліи), онъ охладѣлъ къ этимъ вкусамъ своей молодости. Стрем- леніе найти убѣжище, гдѣ онъ могъ бы свободно проповѣ- дывать свое ученіе, увлекло его по ту сторону Альпъ. Послѣ недолгой остановки въ Женевѣ, мы видимъ его во Фран- ции. Въ Тулузѣ, чей университетъ считался вторымъ въ странѣ и собиралъ до 10.000 студентовъ, открываетъ онъ свой курсъ философіи природы, устраиваетъ диспуты съ защитниками старыхъ воззрѣній и побѣдоносно разбиваетъ ихъ. Въ немъ вырабатываются способности оратора и ис- куснаго спорщика; ему нужна людная аудиторiя; въ немъ воплотился столь отличающій пору Возрожденiя типъ „сво- боднаго профессора“ (*Libre professeur*), не принадлежащаго ни къ какой корпораціи, переѣзжающаго изъ одного ум- ственнаго центра въ другой, разнося свои ученiя по всему свѣту. Для Бруно настала пора постоянного скитанiя. Въ одномъ изъ своихъ стихотворенiй онъ сравниваетъ такихъ

искателей и распространителей истины съ смѣлымъ пловцомъ, который пускается въ открытое море на утлой лодкѣ, не страшась опасностей: волны могутъ поглотить ее, вѣтеръ разорветъ парусъ на части; а сколько опасностей на сушѣ! Непроходимыя горы, дремучіе лѣса, въ долинахъ людская злоба и неправда. Но все это не устрашаетъ путника; ему не жаль потерянной молодости, утраты богатства, бессонныхъ ночей. Его поддерживаетъ священный огонь героическаго энтузіазма, который Бруно прославилъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ произведеній „*Ego ісі fugogī*“, являясь самъ въ жизни нагляднымъ примѣромъ такихъ служителей идеи.

Слѣдующею послѣ Тулузы остановкой Бруно былъ Парижъ. Сорбонна, этотъ оплотъ схоластики, стояла на стражѣ, готовая искоренить малѣйшее проявленіе свободы мысли, но ея представителей, наряду съ шарлатанами и алхимиками, онъ тогда же осмѣялъ въ своей единственной комедіи *Il Candelaio*, вспышкѣ юмора, необыкновенно оригинальной у глубоко серьезнаго мыслителя, и пустоголовый педантъ *Manfugio* вошелъ въ кругъ замѣчательнѣйшихъ комическихъ типовъ. Опасность не помѣшала Бруно смѣло высказывать свои мнѣнія, сблизиться съ передовыми мыслителями, заручиться даже поддержкой Генриха III. Но истинный просторъ и отдыхъ нашелъ онъ только въ Англіи, куда послѣдовалъ за другомъ своимъ, французскимъ посломъ Мишелемъ де Кастельно. Здѣсь подъ вліяніемъ большой жизненной свободы онъ впервые созналъ себя полноправнымъ, рѣчь его стала мужественнѣе, чѣмъ когда либо. „Онъ сталъ называть обманъ обманомъ, притворство притворствомъ, сталъ считать философовъ философами, педантовъ педантами, шарлатановъ, скомороховъ, акробатовъ тѣмъ, что они представляютъ собой на дѣлѣ“. Волновавшія его *Тьни идей* (какъ называлъ онъ одну изъ своихъ книгъ, *De umbris idearum*) воплощались, научныя занятія стали глубже; здѣсь созрѣли и были изданы лучшія его произведенія, философскія и сатирическія. Въ „Изгнаніи торжествующаго звѣря“ (*Spaccio della bestia trionfante*), въ этой, по выраженію Берти, поэмѣ въ аріостовскомъ вкусѣ, раньше Лессингова *На-*

тана и широко развивая мысль Боккачевой притчи о кольцах, онъ отъ критическаго разбора существующихъ исповѣданій восходитъ къ царству истины, — въ *Кабалъ Пенаса* громить торжествующее невѣжество и педантизмъ, въ *Egoici furogi* возвеличиваетъ подвигъ свободнаго мыслителя, а въ книгѣ *De l'infinito universo et mundi* излагаетъ пространнѣе чѣмъ когда-либо свое ученіе. Въ Оксфордѣ онъ собиралъ массы студентовъ, объясняя свою теорію о превращеніяхъ видовъ въ природѣ. Въ развитыхъ кружкахъ, группировавшихся около двора Елизаветы, онъ встрѣтилъ искреннихъ цѣнителей и друзей, вродѣ ученаго итальянца Флоріо, переводившаго „Опыты“ Монтаня, или Филиппа Сиднея *). Наконецъ въ семьѣ своего гостепріимнаго хозяина онъ отдыхалъ душой: Кастельно былъ рѣдкимъ супругомъ, а въ женѣ его и особенно въ маленькой дочкѣ Бруно готовъ былъ видѣть неземныя созданія. Когда дѣвочка пѣла и играла на музыкальномъ инструментѣ, онъ спрашивалъ себя: не ангелъ ли сошелъ къ нему съ неба? Потребность въ привязанности и семейномъ счастьѣ сказывалась въ такіе минуты. Много любившій и страстно увлекавшійся въ молодости, Бруно давно подавилъ въ себѣ эти влеченія; предметомъ его культа отнынѣ стала *Софія*, мудрость, и этой возлюбленной онъ служилъ нелицемѣрно. Одно изъ стихотвореній въ московской рукописи обнаруживаетъ въ немъ этотъ постоянный разладъ страсти и высшихъ стремленій: „я ношу высоко знамя любви,—говоритъ онъ,—но я оледенилъ въ себѣ надежды и желанія. Когда въ сердцѣ моемъ сверкаютъ искры, на глазахъ навертываются слезы; я тревожусь и замираю, рвусь впередъ, сіяя радостью, и оглашаю небесный сводъ отчаянными возгласами“.

Но двухлѣтнее лондонское затишье оборвалось внезапно. Кастельно былъ отозванъ, съ нимъ покинулъ Англію и Бру-

*) Слѣды вліянія Бруно на англійскую литературу его времени долго были замѣтны. Ихъ находили у Шекспира, особенно въ „Гамлетѣ“ (заимствованія изъ діалоговъ Бруно *La cena de le ceneri*). Изъ выдающихся писателей новѣйшаго времени вліяніе идей Бруно прослѣжено у Гете (*Giord. Bruno's Einfluss auf Göthe*, статья Брунгофера въ VII т. *Göthe-Jahrbuch*, 1886).

но; онъ возобновилъ было въ Парижѣ свои чтенія, но, вынужденный наставшими междоусобіями оставить французскую столицу, направилъ на этотъ разъ свой путь въ другую сторону. Германія привлекала его своей оживленной умственной жизнью; онъ перебивалъ во всѣхъ главныхъ университетскихъ центрахъ: Марбургѣ, Виттенбергѣ, Гельмштетѣ, наконецъ Прагѣ, также причислявшейся тогда къ нѣмецкимъ культурнымъ пунктамъ. Счастье и теперь не всегда улыбалось ему. Только въ Виттенбергѣ, не утратившемъ еще со временъ Лютера важнаго значенія въ наукѣ и церкви, его встрѣтили съ полнымъ радушіемъ, и отзывчивый Бруно отвѣтилъ на этотъ пріемъ горячими похвалами. Но и тутъ судьба не могла долго щадить его: послѣ двухлѣтней дѣятельности, доставившей ему большую популярность, наступаютъ невзгоды; въ гостепріимномъ университетѣ беретъ верхъ противоположная партія, и Джордано принужденъ опять взять свой посохъ. Наконецъ мы видимъ его, усталого и больного, во Франкфуртѣ, корректоромъ въ одной изъ лучшихъ типографій. На знаменитыя нѣкогда франкфуртскія ярмарки съѣзжалась со всей Европы разнообразная публика, въ томъ числѣ много итальянцевъ, въ особенности книгопродавцевъ. Бруно и тутъ ищетъ повода къ преніямъ и научнымъ бесѣдамъ, приготовляетъ къ печати новыя произведенія. По словамъ очевидцевъ, онъ вѣчно или за книгами, или ходитъ одиноко и строить химеры.—Среди этихъ занятій его неожиданно и пріятно поразили призывъ пови-
датель еще разъ родину: молодой представитель стариннаго венеціанскаго рода Мочениго, выставившаго изъ своихъ рядовъ семерыхъ дожей, поручилъ ѣхавшему во Франкфуртъ книгопродавцу передать Бруно о своемъ поклоненіи его мудрости, о желаніи видѣть его лично въ Венеціи и пользоваться его уроками.

Можетъ показаться слишкомъ поспѣшною готовность философа отозваться на предложеніе неизвѣстнаго ему магната, но какъ понятно радостное волненіе въ человѣкѣ, такъ любившемъ родину, утомленномъ десятилѣтнимъ изгнаніемъ и вѣчными скитаніями, и теперь внезапно увидѣв-

шемъ возможность хоть не на долго побывать въ своей землѣ! Къ тому же опасенія гоненій и суда устранялись увѣренностью, что могущественная семья Мочениго съумѣетъ отстоять его неприкосновенность. Это роковое совпаденіе обстоятельствъ ускорило развязку несчастной жизни Бруно. Прибывъ въ Венецію, онъ вскорѣ созналъ свою ошибку.

Въ Мочениго онъ увидалъ скучающаго, недалекаго и трусливаго патриція, который увлекался лишь слухами объ искусствѣ, съ которымъ Бруно преподаетъ „Люллиеву науку“, главнымъ образомъ способы развитія памяти. Широта взглядовъ учителя, довѣрчиво высказывавшаго ихъ, поразила и испугала молодого человѣка; завязанныя имъ связи съ венеціанскими вольнодумцами, вродѣ Морозини или Сарпи, были ему непріятны; критика современной догматики и восторженные мечтанія о просвѣтленной, „естественной“ религіи показались ему вредною ересью. Между учителемъ и ученикомъ начались частыя размолвки; Бруно уже собирався назадъ, во Франкфуртъ, гдѣ ему такъ хорошо жилось, но Мочениго, на этотъ разъ поддавшись настойчивому вмѣшательству своего духовника, рѣшилъ выдать Бруно въ руки венеціанской инквизиціи. Ночью, опираясь на помощь шести гондольеровъ съ ближайшей стоянки, онъ захватилъ его въ постели, продержалъ сначала подъ домашнимъ арестомъ, а потомъ, составивъ доносъ, полный нелѣпыхъ обвиненій, прямо противорѣчившихъ всѣмъ убѣжденіямъ Бруно, передалъ его тайному судилищу инквизиціи, въ которомъ немалую роль играли такъ называемые *savii all'eresia*, специально наблюдавшіе надъ искорененіемъ ересей.

Начался „венеціанскій процессъ“, всѣ акты котораго дошли до насъ. Бруно спокойно излагалъ передъ судьями свои убѣжденія, какъ будто теперь передъ нимъ была парижская или оксфордская аудиторія, а не отцы инквизиторы; вызванные свидѣтели—типографщики, знавшіе его изъ Франкфурта и нѣсколько образованныхъ венеціанцевъ, съ которыми онъ успѣлъ сойтись, дали самыя сочувственныя пока-